

Когда грандиозное побоище наконец утихло, господин Дуайт даже не подумал распекать Джеймса за его каверзу.

Вместо этого он с хмурым видом бесцеремонно впихнул паршивцу в рот здоровенный картофельный оладушек — да так, что тот едва не подавился, закатив глаза.

Позже, обсуждая случившееся, Болдуин и Тео сошлись на том, что старик Дуайт явно благоволит Джеймсу. Бывает же такое: учителя частенько привязываются именно к несносным сорванцам и прощают им любые выходки. Логика в этом никакой, но дело житейское.

Сам Джеймс от подобного внимания совершенно растерялся и растрогался. В отличие от примерного Ланса, его с детства не баловали любовью или какими-то побрякушками. Стоило кому-то проявить к нему хоть каплю душевного тепла, как он расплывался в улыбке, а его зеленые глаза загорались восторгом, точно у щенка, которого наконец-то потрепали по загривку.

Ланс терпеть не мог этого телячьего восторга и обычно в такие моменты бесцеремонно хватал его за шиворот и утаскивал прочь. После чего они шли уплетать сэндвичи, глушить яблочный сидр и курить одну сигарету на двоих.

Было в этом что-то забавное. Раньше Джеймс и помыслить не мог, что сойдется с Лансом так близко. В конце концов, тот всегда казался птицей совсем другого полета: образцовый мальчик, любимчик учителей, первый красавец школы и круглый отличник — им восхищались буквально все вокруг. Даже старый Джон, ворчливый отец Джеймса, как-то раз признал: «Уинфилд — парень правильный, далеко пойдет».

Если честно, Джеймс и мечтать не смел, что когда-нибудь окажется на равных с такой безупречной личностью. Даже когда они только-только сколотили группу, он все еще думал, что они просто временные партнеры, связанные сугубо деловыми отношениями. Джеймс втайне чертовски боялся, что у него нет никакого призвания — вопреки заверениям Мускулистого ангела, — и Ланс при первой же возможности без лишних церемоний выставит его за дверь.

Но теперь, пройдя вместе огонь и воду, они сблизились. А уж после того, как Ланс так отчаянно заступился за него на сцене, Джеймс окончательно и бесповоротно признал его своим лучшим другом.

С тех пор они сделались неразлейвода. Дошло до того, что они стали вместе выбираться на прогулки. Стоило им подняться ни свет ни заря или провести бессонную ночь за работой, как они, не в силах уснуть, отправлялись бесцельно бродить по окрестностям.

Ливерпуль — город рабочий, промышленный, так что утренний воздух здесь обычно отдавал гарью, а небо заволакивала серая пелена смога. Но даже в такой час на улицах то и дело попадались редкие собачники.

Именно в такие моменты Джеймс начинал люто ненавидеть собственное имя. Стоило Лансу как-то раз позвать его: «Джимми!», как со всех сторон отозвалось не меньше пяти голосов, причем два из них ответили звонким «гав-гав!».

«Спасибо тебе, папаша! Удружил так удружил. Выбрал сыну имя, которое знает каждая собака в королевстве».

Пока Ланс покатывался со смеху, Джеймсу оставалось лишь раздосадованно сопеть.

Подобные мелочи только укрепляли их дружбу, незаметно подталкивая Джеймса к новым переменам. Теперь Ланс больше не стеснялся в выражениях и резал правду-матку в глаза, не боясь показаться бестактным.

Первым делом он разнес в пух и прах сценическую позу Джеймса. Ланс с неприкрытым отвращением велел ему прекратить стоять перед микрофоном, вытянувшись по струнке, словно заборный столб.

— Ноги на ширине плеч, Джеймс! — твердил он. — Хватит сжимать коленки, ты выглядишь как деревенский дурачок. У фронтмена должна быть харизма, а ты стоишь истуканом. Сценой нужно править, понимаешь?

Теперь Джеймс прекрасно понимал, почему Ланс помалкивал об этом раньше и заговорил только сейчас. Просто когда вы друзья, уже как-то неудобно начистить физиономию этому ядовитому чистоплюю.

«Истукан? Деревенский дурачок? Господи, кем же я выглядел в его глазах все это время?!»

Но, с другой стороны... если закрыть глаза на несносный характер, Ланс был отличным парнем — честным, надежным и всегда готовым прийти на выручку. В последующие недели Ланс терпеливо учил его нотной грамоте, показывал приемы игры на губной гармонике и часами обсуждал, как сделать их шоу эффектнее. Дело дошло до того, что он полностью взял на себя гардероб Джеймса: подбирал ему одежду, придумывал прическу и даже выискивал сценические украшения.

Наблюдая за этим рвением, Болдуин в шутку зубоскалил, что Ланс напоминает девчонку, которая дорвалась до новой куклы и теперь упоенно наряжает ее во всякое тряпье. Тео, однако, этот энтузиазм не разделял. С виду он казался парнем простым, порой даже придурковатым, но на самом деле отличался крутым нравом и упрямством. Больше всего на свете Тео ненавидел, когда посторонние совали нос в его дела и пытались навязать свой вкус — будь то стиль одежды или манера держаться на сцене.

— Да пусть я хоть в мешок из-под картошки наряжусь, зато это будет мой собственный выбор, — ворчал он в разговорах с Джеймсом. — Тебе не кажется, что у Ланса какой-то бзик на контроле? Ему обязательно нужно подмять под себя все и вся.

Джеймс лишь отмахивался — Тео явно сгущал краски. Как младший ребенок в семье, он с пеленок привык к тому, что отец и брат контролируют каждый его шаг. Хорошие советы он мотал на ус, а плохие — пропускал мимо ушей, умудряясь тихой сапой делать все по-своему. Заведи он дома шарманку про «независимость» и «самовыражение», отец с братом быстро бы вправили ему мозги кулаками. К тому же в моде он смыслил не больше, чем свинья в апельсинах, а его собственный вкус можно было назвать разве что катастрофическим.

Так что Джеймс без лишних терзаний сдался на милость Ланса и послушно позволял лепить из себя все, что тому заблагорассудится.

Когда Линд после долгого перерыва увидел брата, он едва не поперхнулся чаем. Прежний вороний свив на голове превратился в аккуратную, стильную стрижку, выгодно открывшую бледное лицо с ухоженными бровями. Тот самый замарашка, который вечно таскал заношенные треники, темную рабочую робу и рваные резиновые сапоги, вдруг вырядился в ослепительно белую рубашку, модные джинсы и чистенькие кеды. Перед Линдом стоял настоящий херувим, сошедший прямо с соборной фрески.

— Тебя что... богатая мамочка пригрела? — выдавил наконец Линд.

— А что, плохо выглядит? — буркнул Джеймс.

— Выглядишь как девчонка!

— Да пошел ты!

«И зачем я только пришел? Ну и придурок ты, братец!»

Джеймс не заметил, как на миг омрачилось лицо Линда. Он напрочь позабыл, что когда-то сам обозвал Ланса «девчонкой», разглядывая его старую фотографию. Сейчас он лишь злился на брата за дурацкие придирки. Не желая больше оставаться дома, Джеймс развернулся на каблуках и полетел обратно к Лансу.

Линд проводил его долгим взглядом. На душе у него заскребли кошки — пришло горькое понимание: младший брат вырос и окончательно выпорхнул из гнезда.

Но у самого Джеймса голова была забита совсем другим. В его жизни теперь существовали только песни, репетиции, сцена, концерты и, конечно же, его новоиспеченный лучший друг. Особенно Ланс.

Когда слетела шелуха ярлыков «отличника» и «двоечника», когда они наконец раскрыли друг другу души, то с изумлением обнаружили: несмотря на разницу характеров, их музыкальные вкусы совпадают до мелочей. Слушая вместе пластинки, они понимали друг друга без слов. На удачных аккордах они синхронно вскидывали головы, и в их глазах вспыхивал одинаковый

восторг. Когда же запись фальшивила или казалась скучной, они в один голос принимались ругаться. Это было поразительное, почти мистическое единодушие.

Такое редкое созвучие душ мгновенно преобразило их выступления. Джеймс больше не носился бесцельно по сцене, а кружил вокруг соло-гитариста, точно заведенный. Он то ластился, прижимаясь золотистой макушкой к его плечу, то бесцеремонно хватал Ланса за шею, то внезапно оказывался слева, то справа, то скакал у него за спиной... Со стороны это ребячество выглядело совершенно дико, у неподготовленного зрителя прямо-таки голова шла кругом.

Но парадоксальным образом это смотрелось завораживающе. От дуэта невозможно было оторвать глаз.

Тонкие черты лица Ланса и его иссиня-черные волосы в минуты задумчивости придавали ему холодный, почти царственный вид. Он напоминал прекрасный цветок, распустившийся на самом краю отвесной скалы: любовйся сколько угодно, но прикоснуться не смей — разобьешься.

Золотоволосый Джеймс был его полной противоположностью. Стоило аккуратно уложить его непослушные кудри, как на первый план выходили сияющие зеленые глаза — чистый эльфийский изумруд. Он вечно хохотал во весь рот, обнажая задорные клыки, и в этом простодушии было столько тепла, что между ним и залом не оставалось никакой преграды. Казалось, протяни руку — и ты сможешь коснуться его, обнять или согреть поцелуем.

Искренность Джеймса мягко сглаживала холодную отстраненность Ланса.

Стоило им соприкоснуться плечами на сцене, как лед на губах Ланса таял, уступая место едва заметной улыбке, а его пальцы с невероятной скоростью взлетали по грифу, заставляя электрогитару заходиться в бешеном, виртуозном соло. А вечно прыгающий Джеймс вдруг затихал, его взгляд теплел, и голос падал в бархатные низы, уводя за собой толпу.

Это было похоже на вспышку магния — ослепительный взрыв чистой энергии. Потрясающая химия! Стоило им только обменяться взглядами, заговорщически улыбнуться или соприкоснуться головами, делясь секретом, как зал внизу взрывался истошным, безумным визгом.

Даже скептик Тео, которого раньше раздражала навязчивая забота Ланса о внешности вокалиста, теперь неохотно признавал:

— Да уж, без Ланса наш Джеймс не сиял бы так ярко. Ладно, если у этого пижона не выгорит с гитарой, он всегда сможет подрабатывать стилистом.

Но как раз в те дни, когда Джеймс вовсю наслаждался жизнью, купаясь в лучах славы и чувствуя себя как никогда близким с Лансом, тот внезапно отклонил его предложение зависнуть вместе после репетиции.

— Мне нужно идти домой делать домашнее задание, — сухо обронил Ланс.

Повисла гробовая тишина.

Идиллия, которую они так долго выстраивали, вмиг разлетелась на куски, отбросив их друг от друга на миллионы световых лет. Джеймс уставился на него округлившимися глазами, испытывая суеверный ужас перед этим зловещим понятием — «домашнее задание».

<http://bllate.org/book/19389/1960181>